

Р Ъ Ч Ъ

къ студентамъ Харьковскаго Технологическаго Института,
предъ его открытіемъ, 15 Сентября 1885 года.

Милостивые Государи!

Исполнивъ обязанность молитвеннаго освященія и благословенія вашего новооткрываемаго Института, я желалъ-бы напутствовать васъ на вашу новую дѣятельность и добрымъ совѣтомъ, конечно, не отъ моей скудости, а отъ богатства божественнаго Откровенія.

Мнѣ кажется приличнымъ настоящему случаю наставленіе древняго библейскаго мудреца Исуса сына Сирахова, изъ 3 главы его книги: *высшихъ себе не щии и крѣпшихъ себе не испытуй: яже ти повелѣна—сія разумѣвай* (Сир. 3, 21—22).

Въ наше время наука вошла въ противорѣчіе сама съ собою: въ дѣлѣ естествознанія мы ищемъ немедленнаго приложенія научныхъ познаній и открытій къ практической жизни,—выставляемъ девизомъ подобныхъ вашему учрежденій: „знаніе для жизни“. Но когда дѣло касается познаній чисто рациональнаго характера, выходящихъ за предѣлы естествознанія, мы выставляемъ другой девизъ: „знаніе для знанія“. Такимъ образомъ въ естествознаніи мы имѣемъ возможность повѣрять познанія опытомъ и строго отличать положительную истину отъ гипотезы и твердую мысль отъ смѣлой

мечты; во второй-же половинѣ знанія, какъ напимѣрь въ области богословской и философской, мы почитаемъ себя вправѣ подниматься всѣми способами на высоту созерцанія и стараемся тамъ утвердиться только силою разсудочнаго убѣжденія, не заботясь о строгой практической провѣркѣ своихъ воззрѣній и, такимъ образомъ, какъ-бы возводимъ многоэтажныя зданія, не справляясь съ твердостью ихъ устоевъ и съ законами архитектуры. Отъ того и падаютъ на нашихъ глазахъ смѣлыя отвлеченно-научныя построенія. Именно на этотъ недостатокъ, такъ часто обнаруживавшійся въ исторіи отвлеченнаго человѣческаго знанія, и указываетъ древній мудрецъ: онъ даетъ понять, что жизнь дѣйствительная, практическая, непременно слѣдуетъ за разумомъ и въ высшія области человѣческаго вѣдѣнія, чисто духовныя и созерцательныя,—что и тамъ всякое открытіе, всякая новая идея должны быть провѣряемы приложеніемъ къ дѣлу и соображеніями относительно исполнимости и благотворности новыхъ ученій: *„высшихъ себе не ищи и крѣпшихъ себе не испытай: яже ти повѣтна—сія разумѣвай“*.

Чтобы свободные мыслители не приняли наставленія древняго мудреца за совѣтъ простого старца-практика, не искуснаго въ дѣлѣ научнаго знанія, онъ въ той-же главѣ своей книги подкрѣпляетъ свою мысль такими замѣчаніями, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія самыхъ глубокихъ и крѣпкихъ мыслителей.

Яже ти повѣтна—сія разумѣвай, т. е. „что заповѣдано тебѣ, о томъ размышляй“. Что-же намъ заповѣдано? и кѣмъ заповѣдано? Какія не имѣйте вы убѣжденія, во что ни вѣруйте, кого не признавайте виновникомъ своего бытія,—при наблюденіи за собою и своею жизнію, вы увидите, что нѣкоторою высшею Волею очень многое вамъ заповѣдано, что высокое назначеніе вамъ дано, что строгіе законы вамъ предписаны. Вы увидите, что за пренебреженіе къ своему назначенію вы падете съ высоты человѣческаго достоинства, за нарушеніе законовъ природы вы теряете здоровье и силы, за невниманіе къ законамъ общежитія вы вносите въ общество разстройство и бѣдствія. При такомъ самоиспытаніи вы услы-

шите голосъ вашего сердца и совѣсти, услышите голосъ исторіи и видимой природы; все скажетъ вамъ, что вы по душѣ своей не здѣшняго земнаго, животнаго происхожденія, что Отецъ вашъ—Богъ, что назначеніе ваше—вѣчность, что достоинство ваше—въ вѣрности этому призванію, въ нравственной чистотѣ и возвышенности стремленій, что обязанности ваши въ справедливости, честности, любви, благожелательствѣ и мирномъ дѣланіи для себя и другихъ. Поставимъ мыслителя на эту точку зрѣнія, мудрецъ говоритъ: „при многихъ занятіяхъ твоихъ о лишнемъ не заботься: тебѣ открыто очень много изъ человѣческаго знанія“ (23).

Но не стѣсняетъ-ли древній мудрецъ нашего ума этимъ направленіемъ насъ къ нравственной практической жизни? Не отнимаетъ-ли у насъ столь дорогаго для насъ стремленія къ познанію истины, столь высокаго наслажденія наукою и ея успѣхами? Нѣтъ; онъ только указываетъ путь къ высшему знанію не въ пареніи мыслей, не въ произвольныхъ построеніяхъ ума отвлеченнаго отъ дѣйствительности, а въ нашемъ всестороннемъ усовершенствованіи, укрѣпляющемъ, уравновѣшивающемъ наши силы и приводящемъ ихъ дѣятельность въ гармонію и порядокъ, соотвѣтствующій законамъ жизни. Онъ совѣтуетъ сдерживать нашъ гордый и нетерпѣливый умъ, чтобы онъ не завлекъ нашего духа въ несвойственныя ему сферы жизни: „многихъ, говоритъ онъ, ввели въ заблужденія ихъ предположенія, и лукавыя мечты поколебали умъ ихъ“ (24). Онъ не отказываетъ намъ въ правахъ на высшее знаніе, онъ общаетъ намъ великіе успѣхи въ немъ, но путемъ послушанія законамъ жизни: „тайны открываются смиреннымъ“, говоритъ онъ (19).

Но человѣкъ свободенъ. Онъ можетъ никого не слушать, не признавать никакого авторитета—ни религіи, ни исторіи, ни чужаго опыта, ни совѣтовъ великихъ людей, раньше насъ жившихъ. Онъ можетъ, какъ нынѣ любятъ говорить, прокладывать новые пути знанія и жизни. Премудрый это знаетъ. Но онъ знаетъ и то, что одинъ человѣкъ, идущій наперекоръ всѣмъ, попадетъ на кривой путь, что одинъ вѣкъ, пренебрегающій трудами вѣковъ предшествовавшихъ, не можетъ

превзойти ихъ всё ни количествомъ дарованій, ни успѣхами знанія, ни опытами жизни. Онъ можетъ въ одномъ направленіи сдѣлать больше другихъ, какъ нашъ вѣкъ въ естествознаніи, но въ то же время несравненно большее въ сферѣ знанія оставитъ безъ вниманія и окажется одностороннимъ. Очевидно, что въ этомъ гордомъ стремленіи стать на высоту знанія, какой еще не видалъ міръ, много опасностей. Премудрый и говоритъ: кто любитъ опасность, тотъ впадетъ въ нее: упорное сердце напослѣдокъ потерпитъ зло“ (25, 26). Посмотрите, какъ это указаніе оправдалось въ нашей жизни: мы уже и впали отъ своей гордости во многія опасности и потерпѣли много зла отъ нашего „упорнаго сердца“.

Позвольте, милостивые государи, изъ этихъ общихъ мыслей сдѣлать выводы, собственно, къ вамъ относящіяся.

Разумѣвайте, яже вамъ повелѣна. Правда, никто не повелѣвалъ вамъ буквально стать на поприще технического образованія,—вы сами его избрали; но избраніе рода дѣятельности, опредѣляющее призваніе цѣлой жизни, заключаетъ въ себѣ еще большую силу обязательства, чѣмъ внѣшнее приказаніе, такъ какъ оно свободно, слѣдовательно, соображено съ вашими склонностями и зрѣло обдуманно. Не быть вѣрнымъ однажды избранному поприщу жизни и мѣнять одно на другое—значитъ не успѣть ни въ одномъ изъ нихъ. Вашъ курсъ обширный, вамъ дѣла много; войдите въ него со всёмъ усердіемъ, берегитесь всякаго рода соблазновъ, отвлекающихъ васъ отъ дѣла и убивающихъ ваши силы, въ чемъ бы эти соблазны ни представлялись,—въ удовольствіяхъ-ли, или бесѣдахъ о предметахъ, не относящихся къ вашему прямому дѣлу. Въ несвоевременныхъ удовольствіяхъ—опасности для здоровья и успѣховъ въ дѣлѣ, а въ праздныхъ бесѣдахъ могутъ завязаться, по слову Премудраго, лукавыя мечты и поколебать умъ вашъ“.

Разумѣвайте, что техническія познанія составляютъ только приложеніе естествознанія, что само естествознаніе есть только часть человѣческаго знанія, что затѣмъ есть обширнѣйшія области знанія опытнаго и отвлеченнаго. Познанія въ избранной вами отрасли наукъ не представляютъ вамъ доста-

точно данныхъ для основательнаго рѣшенія высшихъ вопросовъ о судьбахъ міра, человѣческаго рода и царствъ земныхъ. Неподготовленные собственными глубокими познаніями къ основательнымъ сужденіямъ о подобныхъ предметахъ, вы будете жертвами слѣпаго довѣрія другимъ и орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Здѣсь много для васъ опасностей. Не порывайтесь въ высоты, на которыхъ устоять не можете, не принимайте тяжести не по силамъ. Вспоминайте слово Премудраго: *высшихъ себѣ не ищи и крѣпльшихъ себѣ не испытай* и „кто любитъ опасность, тотъ впадаетъ въ нее“. Идите путемъ святой нашей вѣры, уставовъ Церкви, отечественныхъ законовъ, оградите себя отъ чуждыхъ вліяній любовію къ отечеству и его завѣтнымъ преданіямъ, ревностію объ его чести и истинномъ преуспѣяніи,—и принесете ему дѣйствительную пользу, а себѣ приобрѣтете честь истинно полезныхъ гражданъ.

Разумъвайте, что ваше призваніе—трудиться въ средѣ простого православнаго русскаго народа. Наука ваша имѣетъ цѣлю замѣнить и облегчить механическими силами природы тяжкій трудъ человѣка въ устроеніи удобствъ жизни. Не будьте по убѣжденіямъ послѣдователями того ученія, которое полагаетъ весь прогрессъ человѣчества въ безконечномъ развитіи и умноженіи чувственныхъ потребностей и наслажденій, стремясь удовлетворить всѣмъ имъ путемъ заводскаго и фабричнаго производства, гдѣ народныя массы поработаются болѣе тяжкому труду, чѣмъ воздѣлываніе земли въ потѣ лица простыми орудіями. Убѣжденіе—дѣло великое. Оно кладетъ свою печать на всю нашу дѣятельность. Будьте же христианами въ вашихъ воззрѣніяхъ на жизнь человѣческую. Нашимъ чувственнымъ потребностямъ есть мѣра, должна быть мѣра и въ изобрѣтеніи и въ употребленіи средствъ для ихъ удовлетворенія. Есть техника полезная, есть техника прихотная; любите первую, остерегайтесь второй. Помните, что истинная заслуга вашей науки будетъ въ томъ, когда народнымъ массамъ, при облегченіи физическаго труда, останется больше чѣмъ нынѣ свободнаго времени для удовлетворенія духовныхъ потребностей—ученія, чтенія, размышленія, молитвы, отдохновенія ума и сердца.

Разумъвайте, что вы, какъ люди образованные, будете на виду у народа. Показывайте въ себѣ народу примѣръ не язычниковъ образованныхъ, какъ нѣкоторые нынѣ дѣлаютъ, а христіанъ. Не подражайте этой дерзости въ нарушеніи уставовъ Церкви, этой распущенности въ поведеніи, которая такъ убиваетъ въ глазахъ нашего народа самую науку и образованіе. Не губите себя, щадите и меньшую нашу братію.

„Сынъ мой“!—заключимъ словами того же древняго мудреца,—„веди дѣла твои съ кротостію, и будешь любимъ богоугоднымъ человѣкомъ. Сколько ты великъ, столько смиряйся и найдешь благодать у Господа“ (17—18).
